

23. Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С.11—192.
24. Лосев А. Ф. *Музыка как предмет логики* // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С.195—368.
25. Иконников А. В. *Тысяча лет русской архитектуры. Развитие традиций*. М., 1990.
26. Михайлов В.В., Сабанин В.В. *Итоги 25-летней деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию* // Техническое образование. 1893. № 8. С.1—11.
27. ЦГИА г. Москвы, ф. 224, оп. 1, д. 6, л. 122.
28. Акулинин В. Н. *Философия всеединства. От В. С. Соловьева к П. А. Флоренскому*. Новосибирск, 1990.
29. Бухарин Н. И. [Рецензия] // Социалистическая реконструкция и наука. 1931. Вып. 1. С.180—183. Рец. на кн.: Шпенглер О. *Человек и техника*. Мюнхен, 1931.
30. Максимов А. [Рецензия] // Социалистическая реконструкция и наука. 1931. Вып. 1. С.222—228. Рец. на кн.: *Немецкие музеи*. Берлин, 1929.

И. Ф. ЦВЕТКОВ (Санкт-Петербург)

ХРАМ СПАСА НА ВОДАХ — ПАМЯТНИК РУССКИМ МОРЯКАМ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ГИБЕЛИ

В четвертую же стражу ночи
пошел к ним Иисус, идя по морю

Евангелие от Матфея, гл. 14, ст. 25.

Когда 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры соединились у побережья французского Индокитая, Порт-Артур после 8-месячной осады уже пал и дальнейшее движение армады русских кораблей к Корейскому проливу для прорыва во Владивосток становилось чистой авантюрой. Но амбиции высшего руководства государством и флотом, как это не раз уже случалось в истории, возобладали над здравым смыслом, и ранним утром 14 мая 1905 г. обе эскадры под общим командованием вице-адмирала З. П. Рождественского подошли к о. Цусима.

Полное пренебрежение смертью и отчаянное упорство, с которым эскадра двигалась навстречу своей гибели назначенным генеральным курсом 23° под градом японских снарядов и торпед, до сих пор поражает наше воображение. К утру 15 мая русская эскадра как организованная сила перестала существовать, и продолжение сражения в этот день уже ничего не могло изменить. Несмотря на беспримерную стойкость и храбрость русских моряков, Цусимское сражение было жестоко проиграно [1]. Потоплены десятки кораблей, более 5 тыс. матросов и офицеров нашли свою могилу в морской пучине вдали от Родины. Еще больше вдов и сирот, матерей и отцов, братьев и сестер оплакивали погибших, не зная, где возложить прощальный траурный венок и, преклонив колени, вознести молитву за упокой их душ.

Сразу же после окончания русско-японской войны и заключения Портсмутского мира на средства Морского министерства в Галерной гавани на Васильевском острове была построена небольшая деревянная церковь, получившая название Цусимской. Деятельное участие в ее сооружении приняли генерал-адъютант Ф. В. Дубасов, контр-адмирал Н. М. Яковлев и Е. А. Шеина. Но эта церковь не могла удовлетворить всех желавших заказать литургию с поминовением усопших.

Осенью 1908 г. родственники погибших моряков во главе с Е. А. Шеиной, вдовой командира крейсера «Светлана» капитана 1-го ранга С. П. Шеина, обратились к министру внутренних дел П. А. Столыпину с просьбой о

разрешении организовать сбор пожертвований на возведение большого каменного храма — памятника в честь моряков, отдавших свою жизнь «За Веру, Царя и Отечество». Член Госсовета, бывший председатель Морского технического комитета генерал-адъютант адмирал Ф. В. Дубасов в свою очередь обратился к морскому министру генерал-адъютанту адмиралу И. М. Дикову с просьбой «исходатайствовать всемилостивейшее соизволение Е. И. В.» на постройку храма и учреждение Особого комитета для сбора пожертвований на всей территории России на его постройку [2].

Говоря о храме Спаса на водах как о памятнике погибшим морякам, невольно задумываешься, почему именно памятник-храм, а не просто обелиск, стела, камень или какое-либо другое произведение монументального искусства? Ответ на этот вопрос лежит, по-видимому, в сфере связей и взаимоотношений церкви и флота. Каковы же были эти связи и взаимоотношения?

Прежде всего это вероисповедание личного состава флота, т.е. принадлежность к какой-либо религии, церкви, конфессии, а также к религиозным объединениям, вероучениям и т.п.

О переменном составе, конечно, судить трудно, но об офицерах, адмиралах и вольнонаемных можно сделать совершенно определенные выводы, анализируя официальный документ «Список личного состава флота и Морского ведомства», скажем, за 1916 г., т.е. последний дореволюционный список.

Нужно сказать, что во всех дореволюционных документах национальность никогда не указывалась, значилось только вероисповедание. Атеистов среди офицеров и адмиралов обнаружить не удалось, православных числилось 80%, остальные 20% составляли (в порядке убывания) лютеране, католики и др. Это и понятно, во флоте служило много выходцев из Германии, Швеции, Англии и Польши, они в основном и составляли эти 20%.

Не менее важна при анализе связей и взаимоотношений и организационная структура церкви во флоте.

В священном Синоде, выступавшем на правах министерства, существовала должность протопресвитера, т.е. главного священника армии и флота, который имел право назначать священников на военные корабли и на соединения кораблей малого водоизмещения. Последним протопресвитером русской армии и флота был отец Георгий Шавельский.

Духовенство на военных кораблях существовало еще в допетровской России. Морской устав, вышедший в свет по повелению царя Петра I с 13 января 1720 г., регламентировал быт, службу и обязанности корабельных священнослужителей.

Он предписывал корабельным священникам «содержать себя в добром порядке в образ другим, отправлять службу Божию по-надлежащему, смотреть за больными, чтобы без причастия не умерли». Устав также уделял большое внимание авторитету священника во флоте: «Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать, и никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить и презирать, и ругаться. А кто против того погрешит, имеет по изобличении его преступления вдвое, так как бы то над светским человеком учинил, наказан быть».

Служба на корабле совершалась утром и вечером. Того, кто без серьезных причин отсутствовал на литургии, ждало наказание. За появление на молитве в нетрезвом виде офицер подлежал аресту, при повторении проступка — отставлению от службы и разжалованию в рядовые. Старший офицер и вахтенные начальники во время богослужений принимали меры к тому, чтобы была полная тишина, избегали проведения каких-либо работ, учений. В дальних плаваниях личный состав корабля был обязан раз в году исповедаться.

На каждом корабле при начале богослужения поднимался молитвенный флаг (белое поле с прямым красным крестом в центре), били в рынду. В праздничные дни во время молебна назначался салют. Для богослужения на одной из палуб корабля разворачивалась походная церковь, представлявшая собой трехствор-

чатый складень. Эскиз такого складня, выполненный для легкого крейсера «Светлана» в 1914 г., хранится в фондах ЦВММ ВМФ. Характерно, что последний Морской устав русского императорского флота, принятый в 1914 г., отличался гуманным отношением к представителям других религий, находившимся на корабле. Они могли совершать молитвы по правилам своей веры в специально отведенных местах, во время продолжительных плаваний увольняться на берег специально для молитвы и соблюдения предписываемых их верой обрядов. В частности, устав гласил: «Если на корабле находятся мусульмане или евреи, им дозволяется читать общественные молитвы по правилам своей веры... мусульманам — по пятницам, а евреям — по субботам».

Священники во флоте, деля с моряками все тяготы и превратности службы, в немалой степени способствовали нравственному воспитанию матросов, укрепляя в них патриотизм и преданность воинскому долгу. Перед каждым боем служился молебен с коленопреклонением о даровании победы, священник обходил палубы и кропил святой водой корабль и команду, во время сражения находился среди раненых, оказывая им необходимую помощь, при надобности исповедовал их.

В числе погибших в русско-японской войне священники: иеромонахи* отец Алексей Раевский с броненосца «Петропавловск», отец Назарий с эскадренного броненосца «Князь Суворов», отец Федор Хандалеев с крейсера 1-го ранга «Светлана», отец Виктор Никольский с эскадренного броненосца «Ослябя», судовые священники отец Алесандр Недрыгайло с эскадренного броненосца «Император Александр III», отец Кирион с эскадренного броненосца «Наварин».

Согласно последнему Морскому уставу, корабельный священник мог приставать к кораблю с правой стороны. Этой чести в то время удостоивались лишь флагманы, командиры кораблей и офицеры, имеющие Георгиевский крест. По заслугам, как говорится, была и честь во флоте.

Не нужно забывать, что имена многих русских православных святых можно было видеть на бортах боевых кораблей. Например, эскадренные броненосцы: «Андрей Первозванный», «Георгий Победоносец», «Двенадцать Апостолов», «Св. Евстафий», «Св. Иоанн Златоуст», «Св. Пантелеймон», «Три Святителя»; эскадренные миноносцы: святые «Владимир», «Гавриил», «Михаил», «Федор Стратилат»; другие корабли: «Михаил Архангел» (транспорт), «Св. Николай» (пароход).

Наконец, единение церкви и флота было воплощено в известной триединой формуле «За Веру, Царя и Отечество», которая неплохо работала на протяжении нескольких столетий, пока ее не отменил октябрьский переворот 1917 г. Пришедшая же ей на смену другая — «За Родину, за Сталина, за коммунизм» — постепенно изжила себя сама, не просуществовав и одного столетия.

По этим причинам, как нам кажется, памятником погибшим морякам стал именно храм, получивший затем название Спаса на водах.

Итак, учтя просьбу родственников погибших моряков, П. А. Столыпин во всеподданнейшем докладе от 21 ноября 1908 г. на имя Николая II написал: «Среди круга лиц, принадлежащих и близко стоящих к морской среде, возникла мысль увековечить память моряков, погибших в минувшую войну в Цусимском и других сражениях».

На следующий день, 22 ноября, на докладе Столыпина вместо заглавной буквы «С», что означает «согласен», появилась собственноручная резолюция Николая II: «Согласен и всецело сочувствую мысли увековечить память погибших моряков».

Одновременно был утвержден список членов Особого комитета. Среди них известные во флоте фамилии: командующий Балтийским флотом контр-адмирал

* Иеромонах — священник-монах.

Председатель Комитета по строительству храма Спаса на водах великая княгиня Ольга Константиновна (слева) со своей матерью великой княгиней Александрой Иосифовной, вдовой генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. 1907 г.

Председатель строительной комиссии храма Спаса на водах великий князь Константин Константинович (известный также под псевдонимом «К. Р.» — Константин Романов)

Н. О. Эссен; вдова командующего Порт-Артурской эскадры С. О. Макарова Капитолина Николаевна Макарова; начальник Морского генерального штаба контр-адмирал Л. А. Брусилов; начальник Главного морского штаба контр-адмирал Н. М. Яковлев; член Госсовета адмирал Ф. В. Дубасов; начальник военно-походной канцелярии Николая II, граф, контр-адмирал А. Ф. Гейден; бывший командир Владивостокского отряда крейсеров вице-адмирал в отставке К. П. Иессен; контр-адмирал Р. Н. Вирсен; фрейлина императрицы графиня Е. Н. Игнатьева и др.

Близко стояла к флоту и великая княгиня Ольга Константиновна, принявшая на себя обязанности почетного председателя Особого комитета по сбору пожертвований и сооружению храма-памятника. Дочь великого князя, предпоследнего генерал-адмирала русского флота Константина Николаевича (1827—1892) и его супруги принцессы Саксен-Альтенбургской Александры Иосифовны (1830—1911), она с детства вращалась в кругу военных моряков, была лично знакома со многими адмиралами и офицерами, состояла в переписке с морским министром адмиралом И. К. Григоровичем[3].

Великий князь Константин, второй сын императора Николая I, воспитывался известным русским адмиралом Ф. П. Литке (1797—1882), мореплавателем и географом, исследователем Арктики, президентом Петербургской академии наук (1864—1882). С 1855 по 1881 г. великий князь Константин руководил Морским министерством, способствовал строительству русского парового и броненосного флота. Занимая умеренно-либеральные позиции, он добился сокращения срока службы нижних чинов на флоте с 25 до 10 лет, отмены телесных наказаний, введения нового Морского устава.

Великая княгиня Ольга Константиновна во многом разделяла взгляды отца и была страстной поклонницей флота. В 1867 г. она вступила в брак с королем Греции Георгом I (1845—1913) из династии Глюксбургов и стала королевой эллинов. Георг I был родным братом жены Александра III Марии Федоровны, датской принцессы Дагмары Глюксбургской (1847—1928). Породнившись с вдовствующей императрицей, матерью Николая II, Ольга Константиновна обрела еще большее влияние в высшем

обществе. Она подолгу жила в Петербурге, способствовала продвижению способных офицеров по службе, являлась шефом экипажа нового крейсера «Адмирал Макаров» [3].

Среди «высочайших особ, состоящих во флоте и в Морском ведомстве», числилась и жена Николая II Александра Федоровна, которая была шефом Гвардейского экипажа. Она стала высочайшей покровительницей всего задуманного предприятия.

19 февраля 1909 г. был обнародован рескрипт Николая II на имя министра внутренних дел П. А. Сто-

Императрица Александра Федоровна с наследником престола цесаревичем Алексеем.

лыпина: «Запечатлев неизгладимо в сердце моем прискорбное воспоминание о тяжелых жертвах, понесенных русским народом в печальную годину минувшей войны, я считаю долгом совести почтить великий подвиг доблестных сынов России, бестрепетно положивших на поле брани жизнь свою за честь родной Земли. Да будет память о них священна, да сохранится она из века в век, озаренная благостным сиянием православной церкви, непрестанно обновляясь в бесчисленных молитвах, розносимых за погибших воинов к престолу Всевышнего. Верю, что это святое дело встретит единодушный живой отклик на всем пространстве земли русской, оплакивающей вместе со мной горестные утраты последней войны».

«Главное попечение об увековечении памяти погибших моряков», как указывалось в рескрипте, государь предоставил императрице Александре Федоровне, объединив под ее покровительством Особый комитет, почетным председателем которого назначалась королева эллинов Ольга Константиновна. Председателем комитета был утвержден сенатор П. Н. Огарев, сын которого лейтенант Сергей Огарев погиб в Цусимском сражении на эскадренном броненосце «Наварин». 21 декабря 1908 г. члены комитета собрались в полном составе в церкви Св. Спиридона в Главном адмиралтействе и отслужили молебен об успешном начале возложенного на них дела. Ольга Константиновна не присутствовала на богослужении. На зиму 1908—1909 гг. она отбыла в Грецию. Из Афин королева эллинов писала П. Н. Огареву: «Я уверена, что Россия отзовется на наш призыв и почтит память своих сынов, мученической смертью запечатлевших свою беззаветную преданность царю и Родине. Комитет же под Вашим председательством должен безотлагательно обсудить сообразно средствам, какой именно храм предположить к постройке. Мне бы казалось, что он должен быть чисто русским, в духе ростовских, владимирских или суздальских церквей, например, церкви Св. Покрова на Нерли, построенной великим князем Андреем Боголюбским в 1165 г. на месте слияния рек Клязьмы и Нерли.

Всей душой всегда пребывая с Вами, буду неусыпно следить за Вашими работами, в которых да поможет Вам Господь!».

Сразу же после объявления рескрипта государя министром финансов В. Н. Ковцовым было отдано распоряжение всем государственным казначействам о приеме пожертвований на строительство храма на всей территории России. В Московском купеческом банке был открыт текущий счет для пожертвований. Мать Ольги Константиновны, старая великая княгиня, «генерал-адмиральша», как ее неофициально называли при дворе и между собой члены комитета, разрешила им собираться у нее в Мраморном дворце*. Все делопроизводство также решено было сосредоточить в специально отведенной княгиней комнате Мраморного дворца. Ведение денежных книг безвозмездно взяла на себя Александра Николаевна Зернина.

Пожелание Ольги Константиновны построить храм-памятник в стиле владимирско-суздальских архитектурных традиций Древней Руси единодушно поддержали члены комитета. Они отметили, что сама судьба обратила внимание великой княгини во время ее поездки во Владимир и Суздаль на церковь Св. Покрова на Нерли — этот прекрасный памятник древнерусской архитектуры, случайно уцелевший во время монголо-татарского нашествия.

В условиях господства эклектицизма и модерна обращение к монументальным архитектурным формам Древней Руси как прообразу будущего храма-памятника можно считать наилучшим выбором.

В конце 1909 г. для изучения архитектуры и обмеров древнерусских церквей в Суздаль, Владимир и Ростов Великий комитет отправил научную экспедицию, которую возглавил директор Императорского археологического института проф. Николай Васильевич Покровский. В состав экспедиции также вошли будущий автор проекта храма архитектор М. М. Перетяткович**, инженер-строитель С. Н. Смирнов, скульптор Б. М. Микешин и несколько членов комитета.

Экспедиция собрала много ценных материалов по древнерусской архитектуре, внутреннему убранству церквей, резьбе по камню, облачению священнослужителей и церковной утвари. В результате всестороннего анализа этих материалов М. М. Перетятковичу было окончательно предложено взять за образец при разработке проекта будущего храма-памятника церковь Св. Покрова на Нерли, выбранную Ольгой Константиновной, а также Дмитровский собор во Владимире.

Проект разрабатывался в мастерской М. М. Перетятковича и был закончен в эскизе в рекордно короткий срок. Все — от чертежника до автора проекта — трудились безвозмездно. Отказались от вознаграждения и сотрудники механической лаборатории Института инженеров путей сообщения, производившие прочностные испытания строительных материалов, и инженер-путеец проф. П. И. Дмитриев, проверявший расчет храма на устойчивость.

В начале марта 1910 г. проект отослали в Афины на отзыв Ольге

* Мраморный дворец построен в 1768—1785 гг. по проекту архитектора Ринальди (1710—1794) как подарок Екатерины II своему фавориту Г. Орлову. Выдающийся памятник раннего русского классицизма облицован розовым мрамором, что и послужило основанием для названия дворца. В 1844—1851 гг. он был перестроен внутри архитектором Брюлловым и приспособлен под резиденцию великого князя Константина Николаевича в связи с его женитьбой на Александре Иосифовне. Фасады дворца выходят на Неву, Мраморный переулок и Миллионную улицу. Главный фасад обращен в сторону внутреннего сада. С 1937 г. в Мраморном дворце помещается филиал Центрального музея В. И. Ленина. Приспособлен под музей архитекторами Н. Е. Лансере, Д. А. Васильевым, Л. Ю. Гальпериним и др. В настоящее время передан Русскому музею.

** Марьян Марьянович Перетяткович (1872—1916) был одним из наиболее известных и модных зодчих Петербурга. Он успешно сотрудничал с архитекторами Ф. И. Лидвалом, Л. Н. Бенуа, М. С. Лялевым, Н. Н. Верекиным и др. К тому времени на счету Перетятковича было немало монументальных зданий в центре Петербурга: Торговый дом Вавельберга на Невском, Русский торгово-промышленный банк на Большой Морской, доходный дом Страхового общества «Саламандра» на Гороховой, Дом городских учреждений на Кронверкском проспекте, костел французского посольства в Ковенском переулке. Он являлся ярким представителем эклектицизма и неоклассицизма в архитектуре. В творчестве Перетятковича удачно сочетались элементы венецианского Ренессанса, русского классицизма и ампира, придавая его сооружениям композиционную целостность и самобытность. Очевидно, именно поэтому выбор комитета пал на него.

Строители храма Спаса на водах (справа-налево: архитектор М. М. Перетяткович, инженер-строитель С. Н. Смирнов, их помощник студент Института гражданских инженеров А. Г. Джорогов)

Константиновне. Одоблив его в целом, она внесла важное дополнение — включить в комплекс храма вторую церковь на случай заказных литургий*, что потребовало доработки проекта. Ценные пожелания по внутреннему оформлению храма высказал сын Ольги Константиновны принц Николай Георгиевич Греческий, признанный в Греции знаток в области прикладного искусства. После доработки проект храма был представлен на рассмотрение в Императорскую Академию художеств, где также получил положительную оценку. Отзыв подписала президент академии великая княгиня Мария Павловна (1854—1920), жена великого князя Владимира Александровича (1847—1909), урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская. Сын Марии Павловны великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938)** в чине капитана 2-го ранга был

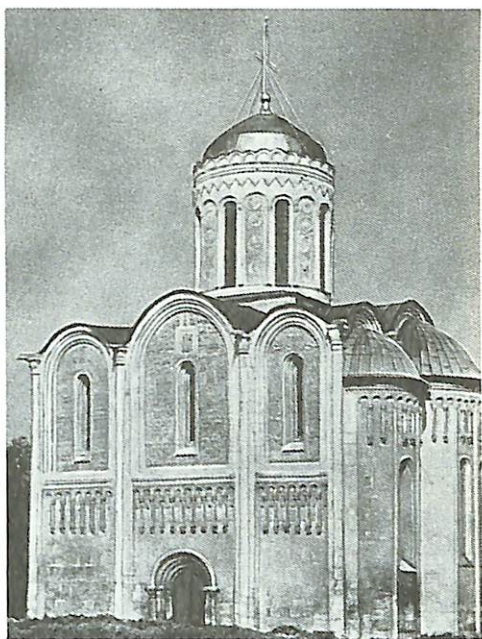
* Литургия — главное христианское богослужение, в православной церкви — обедня, во время которой совершается таинство причащения, а также другие ритуалы (проповеди, поминовение, духовные песнопения). В русском православии существует три чина литургии, названные именами их авторов — Василия Великого, Григория Двоеслова и Иоанна Златоуста. Проводятся в дни недели, установленные церковными правилами.

** Великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938) — в 1909—1912 гг. старший офицер, затем командир крейсера «Олег», в 1915—1917 гг. — контр-адмирал, командир Гвардейского флотского экипажа. 1 марта 1917 г. вместе с экипажем перешел на сторону Февральской революции. В результате расстрела большевиками Николая II и его семьи в Екатеринбурге, а затем и брата Николая II Михаила в Перми Кирилл Владимирович стал главой Дома Романовых. После октябрьского переворота эмигрировал во Францию. В 1920—1930-х годах руководил организацией «Корпус офицеров Императорской армии и флота». Сын Кирилла Владимировича от брака с его двоюродной сестрой Викторией Федоровной (внучкой Александра II) Владимир Кириллович (р. 1917), проживавший во Франции и являвшийся единственным законным наследником русского престола по мужской линии, умер в апреле 1992 г. Созданная в СССР 19 мая 1990 г. (в день рождения Николая II) новая партия «Православный монархический Орденский союз» признавала это право за Владимиром Кирилловичем.

начальником военно-морского отдела в штабе командующего Порт-Артурской эскадрой С. О. Макарова и чудом избежал смерти при гибели эскадренного броненосца «Петропавловск» [4]. Затем проект окончательно утвердила покровительница храма императрица Александра Федоровна.

В целом проект храма представлял собой комплекс зданий (собственно храм Спаса на водах, нижняя церковь, звонница, причтовый дом)*, соединенных между собой крытыми галереями. Церковь Спаса на водах, являвшаяся доминантой храмового ансамбля, располагалась на углу, образованном р. Невой и Адмиралтейским каналом. Ее высота с крестом над уровнем воды составляла около 37,0 м. Остальные строения комплекса, высота которых не превышала 15—20 м, были вытянуты с севера на юг вдоль канала.

План храма не отличался от древнерусских церквей владимирско-суздальской школы, сформировавшейся в XII — начале XIII в. Это был четы-

Дмитровский собор во Владимире. XII век.

Храм Покрова на Нерли близ Боголюбова (при впадении р.Нерли в Клязьму). XII век.

рехугольник размером 13,5×19,6 м, к которому с восточной стороны (со стороны Адмиралтейского канала) примыкали три полукруглых выступа — апсиды. Пропорции церкви Св.Покрова на Нерли, принятой за образец, были сохранены, но все размеры увеличены примерно в 1,5 раза. Изменения коснулись только купола, барабана (трибуны) и декора. Шлемовидный купол, в точности повторявший форму купола Дмитровского собора во Владимире, заменил луковичу церкви Св.Покрова на Нерли, железобетонное перекрытие — металлический каркас. Цилиндрический барабан под куполом, также повторявший, включая вертикальный орнамент, форму барабана Дмитровского собора, был немного удлиннен по отношению к пропорциям других частей храма, что несколько увеличивало его общую высоту и приподнимало над окружающей застройкой. Во всем остальном архитектурный облик церкви Покрова на Нерли был в точности сохранен [5].

Примыкавшие к храму с южной

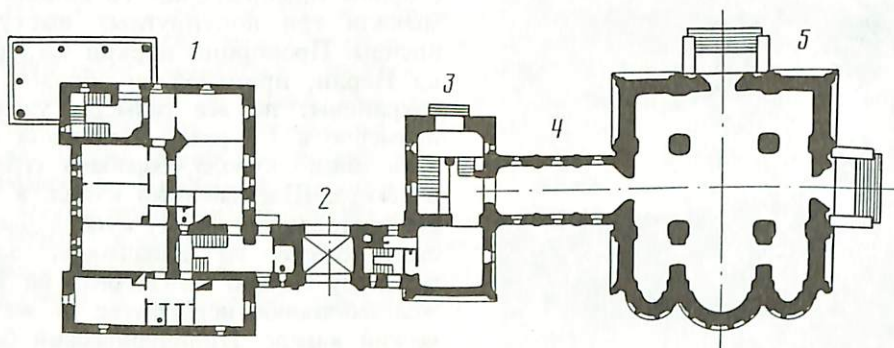
* Причтовый дом — служебное помещение для причта, который состоит из нескольких священнослужителей: настоятеля храма, священника (иногда двух и более), дьякона, пономаря, псаломщика, чтеца и др. Церковь с причтом и община верующих составляют церковный приход.

Храм Спаса на водах в Санкт-Петербурге.
1911 г.

стороны нижняя церковь, звонница и причтовый дом были спроектированы по образу палат Андрея Боголюбского во Владимире. Внутри храма располагались четыре прямоугольные колонны с пилястрами, на которые опирались свод и центральный барабан. Между колоннами были перекинуты арки. В центральной апсиде помещался алтарь, в северной — жертвенник и в южной — дьяконник. Вверху апсиды заканчивались тремя полу-сферическими сводами.

Храм имел два наружных входа — северный и западный. Небольшие выступы перед ними образовывали две паперти, куда вели несколько ступеней из темного гранита.

План комплекса «Храм Спаса на водах»: 1 — причтовый дом; 2 — звонница и входные ворота; 3 — нижняя церковь Св.великомученика Николая; 4 — крытая галерея-переход; 5 — верхняя церковь Спаса на водах

В связи с тем что новый храм представлял собой как бы символическую могилу всех погибших моряков, проект предусматривал вокруг него откосы, покрытые дерном.

Ко времени окончания проектирования комитетом была собрана значительная сумма денег на постройку храма. Уже на 21 августа 1909 г. на его счет числилось 40 084 руб. 69 коп., и было обещано пожертвовать еще около 10 000 руб. Первыми прислали 5 000 руб. члены императорской фамилии. Они же пожертвовали церковную утварь, облачения, иконы и другие предметы.

Размеры пожертвований были разными — от одного рубля до нескольких тысяч. Газета «Кронштадтский вестник» от 27 июля 1912 г. заметила по этому

Группа членов Комитета на строительстве храма Спаса на водах (слева—направо: вице-адмирал граф А. Ф. Гейден, С. Н. Угрюмова, М. Б. Огарева, контр-адмирал А. А. Попов, художник Н. А. Бруни, контр-адмирал А. Н. Хомутов, инженер-строитель С. Н. Смирнов)

поводу: «Не на средства и пожертвования нескольких богатых лиц был воздвигнут этот храм, а на гроши и копейки, добровольно от чистого сердца принесенные русскими людьми» [6].

Большую роль в сборе пожертвований сыграло воззвание комитета, разосланное во все уголки необъятной России, на все корабли флота и напечатанное всеми газетами. Оно заканчивалось словами: «Как прощальную горсть земли, как последнее «прости» принесите Вашу лепту на эту символическую братскую могилу погибших моряков» [7].

Но заботы комитета не заканчивались разработкой проекта и сбором средств на постройку храма. Не менее важной задачей были выбор места расположения храма и приобретение участка земли в центре города. После долгих раздумий и консультаций с архитекторами, художниками и строителями члены комитета наметили три варианта расположения храма: угол Петровской набережной между Большой Невой и Большой Невкой; угол при слиянии рек Мойки и Пряжки; набережная Невы у строившегося моста Петра Великого (ныне Большеохтинский), напротив Большой Охты.

4 сентября 1909 г. императрица Александра Федоровна направила письмо городскому голове Н. А. Резцову с просьбой отвести для строительства храма одно из выбранных комитетом мест. В письме также высказывалась надежда, что Городская дума выделит необходимый участок земли безвозмездно. Н. А. Резцов составил доклад Городской думе, которая, несомненно, выполнила бы просьбу комитета, но товарищ морского министра вице-адмирал И. К. Григорович предложил соорудить храм на земле, принадлежавшей Морскому министерству. Место расположения храма, предложенное И. К. Григоровичем, находилось на территории Адмиралтейского завода и занимало угол, образованный набережной Невы и Адмиралтейским каналом [8]. И. К. Григорович от природы обладал тонким художественным вкусом, в свободное время занимался живописью, и его выбор оказался наиболее удачным. Он учитывал не только удобство расположения храма для проведения богослужений, но и

архитектуру застройки набережных Невы в этом районе. Новая церковь должна была стать акцентной точкой, замыкающей перспективу Английской набережной, за которой теснились постройки, эллинги, стапели, краны Адмиралтейского завода [9]. Другой акцентной точкой, на правом берегу Невы, на Николаевской набережной, была почти симметрично расположенная церковь Успения Божьей матери*, за которой начинались Горный институт и Балтийский завод. Обе церкви венчали собой прекрасное ожерелье дворцов, архитектурных ансамблей и парков, тянувшихся вдоль набережных Невы, четко указывая границы жилой застройки города.

И, может быть, самое главное: храм, расположенный напротив Морского корпуса, должен был постоянно напоминать кадетам и гардемаринам, что их старшие товарищи по оружию, погибшие в сражениях, не забыты Отечеством.

Городская дума рассмотрела вопрос о предоставлении земли под строительство храма и сочла своим долгом пожертвовать комитету 22 500 руб. как компенсацию стоимости того участка, который она хотела отвести [10].

Когда сумма пожертвований стала достаточной для начала строительства, в комитете были образованы две комиссии: одна продолжала заниматься сбором средств, другая приступила к строительным работам по возведению храма. Строительную комиссию возглавил великий князь Константин Константинович (1858—1915), брат Ольги Константиновны, а его помощником стал директор Императорского археологического института Н. В. Покровский [11].

Великий князь Константин Константинович — один из наиболее выдающихся представителей фамилии Романовых. Известный государственный деятель России С. Ю. Витте, мастер метких психологических зарисовок, характеризует его как «самого почтенного, благородного, в полном смысле “великого князя”» [12].

Константин Константинович имел чин полного генерала, некоторое время возглавлял Академию наук в качестве ее президента, в 1900 — 1910 гг. занимал должность начальника Военно-учебных заведений, а затем в 1910—1915 гг. — их главного инспектора. Его знали как человека круга покойной великой княгини Елены Павловны (1806—1873), много сделавшей для русской культуры, особенно для музыки. Великий князь был прекрасным пианистом, композитором и поэтом, публиковавшимся под псевдонимом «К. Р.». На слова «К. Р.» П. И. Чайковским, с которым он состоял в переписке и был близко знаком, написаны шесть романсов, среди них «Растворил я окно», «О дитя, под окошком твоим» и др. Под аккомпанемент Константина Константиновича в доме Юлии Федоровны Абазы впервые исполнялась опера «Евгений Онегин».

В начале апреля 1910 г. строительная комиссия, возглавляемая Константином Константиновичем, приступила к организации работ по расчистке места постройки, планировке и рытью котлована под фундамент.

15 мая 1910 г., в день пятилетней годовщины Цусимского сражения, состоялась торжественная закладка храма-памятника погибшим морякам. Епископ Никон Вологодский отслужил молебен по усопшим и, огласив надпись на закладной доске, вложил ее в основание фундамента. Ольга Константиновна прикрепила к закладной доске солдатский Георгий.

За лето 1910 г. работы продвинулись настолько, что стало возможным водрузить крест на главу храма. Уже полностью были закончены кладка и облицовка стен белым камнем, доставленным из Тверской губернии. Крест для храма пожаловал великий князь Георгий Михайлович, известный знаток и любитель русской старины. Это была копия с креста Дмитровского собора во Владимире, построенного в XII в.

* Церковь Успения Божьей матери долгое время была приспособлена для катка с искусственным льдом и использовалась в качестве тренировочного помещения труппой Ленинградского балета на льду.

Четырехконечный крест с перекладиной посередине опирался в основании на полумесяц. Голубь — символ Святого Духа, укрепленный на верхнем конце креста, ниспосылал благодать храму и всем молящимся в нем [13].

Около трех часов дня набережная Адмиралтейского канала и Английская набережная заполнились народом. У моста через Адмиралтейский канал и на территории, прилегавшей к храму, собрались протопресвитер военного духовенства П. И. Аквилонев, настоятель Адмиралтейского собора протоиерей А. А. Ставровский, священник Гаванской церкви Морского ведомства Н. П. Тихонов, почетный председатель комитета королева эллинов Ольга Константиновна, великий князь Константин Константинович, его жена великая княгиня Елизавета Маврикиевна (урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская и герцогиня Саксонская) с детьми Иоанном, Татьяной, Константином, Олегом и Игорем, адмиралы и офицеры флота, матросы Гвардейского экипажа.

Под пение молитвы «Спаси, Господи, люди твоя» храмовый крест, украшенный цветами, который на канате плавно тянула команда матросов из Гвардейского экипажа, медленно вознесся на купол храма. На следующий день в «Вестнике военного духовенства» (№ 21 за 1910 г.) священник Морского корпуса отец Дмитрий Удимов писал: «14 октября в день Воздвижения Креста Господня в Петербурге произошло событие, так отвечающее характеру праздника и такое отрадное для христианина. Поднят и водружен крест на строящемся у Невы на Английской набережной храме в память русских моряков, погибших в войну с Японией».

Зима 1910 — 1911 г. не приостановила работы по постройке храма: начались внутренняя отделка и разработка рисунков входных дверей, эскизов и шаблонов иконостаса, церковной утвари и облачений, досок с именами погибших моряков, список которых сообщил Главный морской штаб. Весна и лето 1911 г. ушли на воспроизведение мозаичной настенной росписи и надписей с названием кораблей, установку мраморных стеновых панелей и досок с именами погибших, сооружение алтаря и размещение икон.

День освящения нового храма-памятника Спаса на водах был назначен на 31 июля, а поднятие колоколов на звоннице — на три дня раньше: 28 июля 1911 г. 27 июля из Адмиралтейского собора было доставлено знамя бывшего Квантунского флотского экипажа, которое находилось в Порт-Артуре в период осады, а затем на эскадренном миноносце «Властный» под командованием В. А. Карцова было перевезено в нейтральный порт Чифу. Настоятелем нового храма Священный Синод назначил отца Михаила (Прудникова), бывшего капитана 1-го ранга.

Накануне дня освящения храма, 30 июля, в Неву вошли и стали на якорь у Николаевского моста крейсера «Адмирал Макаров», «Богатырь» и «Олег», эскадренные миноносцы «Генерал Кондратенко», «Пограничник», «Сибирский стрелок» и «Охотник», построенные на добровольные пожертвования, а также яхта морского министра «Нева» и яхта «Стрела».

Около 10 часов утра 31 июля на императорской яхте «Александрия» из Петергофа прибыл Николай II. У причала на Английской набережной его встречали морской министр вице-адмирал И. К. Григорович и высшие чины Морского ведомства. Приняв рапорт, Николай II и Александра Федоровна по мостику через Адмиралтейский канал в сопровождении королевы эллинов Ольги Константиновны, морского министра Григоровича, министра двора барона Фредерикса и флаг-капитана царя генерал-адъютанта Николая направились к храму. За ними следовали дочери Николая II Ольга и Татьяна, великие княгини Мария Павловна и Елена Владимировна, великие князья Николай Николаевич (младший), Михаил Александрович (брат Николая II), Константин Константинович, Николай Михайлович, Сергей Михайлович, Борис Владимирович и Андрей Владимирович, Иоанн, Гавриил и Константин Константиновичи.

Ровно в 10 часов утра протопресвитер Б. И. Шавельский, испросив разрешение у государя, начал церемонию освящения храма, ему прислуживали протоиерей Ставровский и настоятель храма отец Тихон. По окончании

Николай II и великая княгиня Ольга Константиновна (в центре) в сопровождении свиты на освящении храма Спаса на водах 31 июля 1911г.

церемонии был совершен крестный ход вокруг храма, затем состоялась двухчасовая литургия.

Перед отбытием на яхту «Александрия» Николай II принял парад экипажей судов, стоявших в Неве. С Андреевским флагом впереди они четко промаршировали по Английской набережной, «поедая» глазами, как их учили, государя и его свиту. Парадом командовал контр-адмирал Хомутов.

Во второй половине дня, когда закончилась церемония освящения и состоялось официальное открытие храма, он сразу же наполнился простым людом. Одни с восхищением рассматривали внутреннее убранство; другие отыскивали имена близких на бронзовых досках, укрепленных на стенах под высеченными золотом на белом камне названиями погибших кораблей; третьи, обратясь к огромной мозаичной иконе Спаса, шествующего по водам, возносили молитвы за упокой усопших. Строгость форм, присущая русскому неоклассицизму, монументальность и в то же время изящество и красота как наружной, так и внутренней отделки храма производили на всех без исключения неизгладимое впечатление. Это была заслуга талантливых скульпторов и художников, принимавших участие в художественном оформлении храма.

Все работы по камню: орнаменты, рельефные композиции и картуши на фасадах, надписи названий кораблей внутри храма — выполнил скульптор Б. М. Микешин, сын М. О. Микешина (1835—1896), автора знаменитого памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. Наиболее примечательной из рельефных композиций была фигура святого, сидящего на престоле, с венцом на голове. Его правая рука поднялась для благословения, левая придерживала музыкальный инструмент, напоминающий гусли, который лежал у него на коленях. Наружные двери были откованы в Москве, в мастерской художника Н. Н. Дивова — потомка декабриста, мичмана В. А. Дивова. Моделью для дверей с северной стороны храма послужили двери Успенского женского монастыря в Александро-Невской лавре, которые в свое время были вывезены Иваном Грозным из опального Новгорода, получив название «Васильевских дверей».

Интерьер храма Спаса на водах (на пилоне видна мраморная доска с надписью: «Эскадренный броненосец „Князь Суворов“», ниже бронзовая доска с фамилиями погибших)

Двери с западной стороны выполнены по образцу дверей в Суздальском соборе. Их наружные стороны украшены резьбой, изображавшей 24 сюжета из Нового завета. Иконостас из белого мрамора, закрывавший собой помещения, образованные апсидами с восточной стороны храма, и надалтарная икона в виде огромного мозаичного панно, изображавшая Христа, шествующего по морю*, были выполнены по эскизам одного из талантливейших художников начала XX в. акад. Н. А. Бруни, родственника Ф. А. Бруни (1799—1875) — главы академизма в русской живописи.

Спаситель, едва касавшийся ногами морских волн, поднятой правой рукой благословлял морскую пучину, ставшую могилой русских моряков, а жестом опущенной левой руки как бы призывал их души к себе.

«Неизвестный» автор («К. Р.») под впечатлением этой иконы писал:

Пройди, благый Христос,
По волнам мук людских,
Чтоб океан скорбей и слез
Улегся и затих.

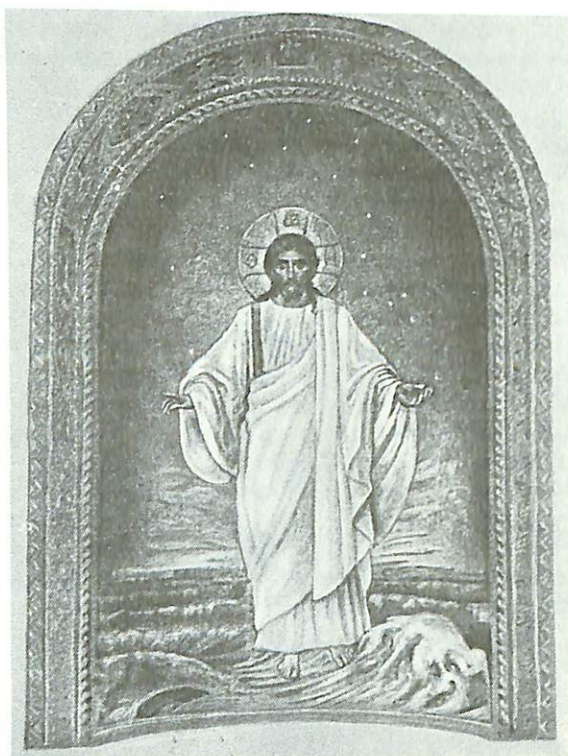
По традиции название главной иконы стало именем храма. На колоннах по обе стороны от иконостаса на белом облицовочном камне виднелись надписи, сделанные золотыми буквами: «Эскадренный броненосец „Петропавловск“» (справа) и «Эскадренный броненосец „Князь Суворов“» (слева). По предложению Н. А. Бруни окна были выполнены из желтого стекла, благодаря чему внутри храма даже в непогоду всегда сохранялось теплое мягкое освещение, создавая иллюзию яркого солнечного дня.

Много труда вложил Н. А. Бруни в оформление цилиндрического барабана, расположенного над центром церковного зала. В промежутках между высокими узкими окнами были помещены изображения Спасителя, Богоматери, святых апостолов и великомучеников — покровителей кораблей и судов, участвовавших в войне.

С северной стороны: Михаил Архангел (минный транспорт «Енисей»), Николай Чудотворец (канонерская лодка «Гиляк», крейсера 2-го ранга «Жемчуг» и «Алмаз», эскадренный броненосец «Ретвизан»), Феодосий Печерский (крейсер

* Сюжет иконы заимствован из Евангелия от Матфея: Иисус Христос, отправив своих учеников на лодке в бурное море, пришел к ним, шествуя по воде (гл. 14, ст. 22—34).

Надальтарная икона: Спас, идущий по волнам.

1-го ранга «Паллада»), Дмитрий Солунский (крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской»).

С западной стороны: Богоматерь (крейсер 1-го ранга «Рюрик», транспорт «Ангара»), апостол Павел (эскадренный броненосец «Петропавловск», крейсер «Адмирал Нахимов»), Исаакий Далматский (крейсер «Баян»), князь Владимир (эскадренный броненосец «Севастополь», крейсер 1-го ранга «Владимир Мономах»).

С южной стороны: Иоанн Предтеча, Андрей Первозванный, Федор Стратилат (броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков»), Александр Невский (эскадренный броненосец «Император Александр III», крейсер «Варяг»).

С восточной стороны: Спаситель, апостол Павел (эскадренный броненосец «Петропавловск»), Георгий Победоносец (минный транспорт «Амур», эскадренный броненосец «Цесаревич»), Сергей Радонежский (эскадренный броненосец «Пересвет»).

Перед алтарем был расстелен огромный ковер, занимавший все пространство между колоннами. Ковер вышивали вдовы, жены, дочери и ближайшие родственники моряков, участвовавших в русско-японской войне: великая княгиня Татьяна Константиновна, жена морского министра Мария Николаевна Григорович, княгини М. М. Путятича и Н. Б. Ширинская-Шахматова, княжна А. И. Шаховская, графиня Е. Н. Игнатьева, Н. Ф. и Е. К. Авеланы, В. С. и О. А. Хомутовы, В. Л. Иессен, Н. Ф. Вирен, О. Н. Бутакова, А. М. Яковлева, С. А. Князева, Е. Ф. Игнациус, А. К. Шульгина, М. И. Ненюкова, В. А. Керн и др.

Художественное оформление иконостаса также включало в себя декоративную завесу, вытканную по эскизу Бруни в виде Андреевского флага.

По внутреннему периметру храм был декорирован панелями из темно-зеленого и темно-красного мрамора, выше которых располагалась облицовка из белого старичьего камня. В стены вмонтированы бронзовые доски с именами 12 тыс. погибших в сражениях и умерших от ран русских воинов, от адмиралов и генералов до нижних чинов. Над досками высечены золочеными буквами названия кораблей и воинских частей.

Художественное оформление нижней церкви принадлежит незаслуженно забытому сегодня талантливому живописцу М. М. Адамовичу. Одна из его немногих сохранившихся работ — роспись плафона в операционном зале бывшего Русского торгово-промышленного банка (ул. Герцена, 15), автором проекта которого также был М. М. Перетяткович.

Нижняя церковь внутри напоминала боярские палаты со скамьями вдоль стен. Она была посвящена покровителю мореплавателей Святому Николаю Чудотворцу и получила в народе название «Никола мокрый». М. М. Адамович воспроизвел на стенах этой церкви сюжеты из его жития. В центре крестового

свода изображен Спас Нерукотворный. Вторая мозаичная икона Спаса Нерукотворного, выполненная по эскизу В. М. Васнецова его дочерью Т. В. Васнецовой, находилась над воротами звонницы.

В оформлении храма в качестве помощников активное участие принимали студенты-художники А. Г. Джорогов и Н. А. Трикуленко.

Иконы, церковная утварь и одеяния священнослужителей были преподнесены храму в виде пожертвований. Древняя икона Святого Николая Чудотворца и серебряная лампада — дар королевы эллинов Ольги Константиновны, старинное Евангелие в дорогом окладе преподнесено княгиней С. М. Волконской в память о ее сыне лейтенанте Гвардейского экипажа Евгении Демидове, погибшем в Цусимском сражении на эскадренном броненосце «Император Александр III». По ее заказу известный петербургский ювелир Н. И. Овчинников воспроизвел оклад новгородского Евангелия XIV в. Верхняя крышка с изображением в виде нескольких художественных рельефов и застежки были выполнены из позолоченного серебра. На внутренней стороне крышки мастер выгравировал имена и фамилии командира, офицеров и всей команды эскадренного броненосца «Император Александр III» по списку Главного морского штаба (40 офицеров и 854 нижних чина).

Среди жертвователей были также вдова адмирала З. П. Рожественского, «генерал-адмиральша»; великая княгиня Александра Иосифовна; М. Б. Огарева; Н. Г. Солдатенкова и др.

При храме был организован церковный хор, певчими в котором были матросы Гвардейского флотского экипажа.

Через 4 года после открытия храма в причтовом доме закончилось формирование мемориального музея, где были собраны фотографии, флаги кораблей, уцелевшие личные вещи и оружие погибших, а также другие предметы, имевшие отношение к русско-японской войне и истории строительства храма. Потопление минного заградителя «Прут» в начале первой мировой войны, 28 сентября 1914 г. на Черном море*, а затем трагическая гибель со всем экипажем крейсера «Паллада», торпедированного германской подводной лодкой U-26, прибавили еще две бронзовые доски в храме, а единственный предмет, случайно уцелевший от крейсера, — икона Спасителя — был помещен в музей.

Следующий, 1915 г., был отмечен не менее трагическим для флота событием. Морской министр адмирал И. К. Григорович писал в своих «Воспоминаниях» по этому поводу: «Тяжелой утратой этого года была смерть, унесшая незабвенного вдохновителя моряков и командующего Балтийским флотом Николая Оттовича фон Эссена. Адмирал жил и думал лишь о флоте, ему подчиненном, нисколько не берег себя, сильно простудился весной и через несколько дней скончался» [8].

К. Житков в брошюре «Адмирал Н. О. фон Эссен» так описывает день похорон: «В яркий солнечный день 9 мая Петроград отдавал последний долг адмиралу. В 10 часов утра к пристани храма-памятника войны 1904 — 1905 гг. подошел под приспущенным флагом командующего любимейший из миноносцев покойного «Пограничник». После заупокойной обедни и отпевания тело адмирала на лафете перевезено в Ново-Девичий монастырь, где при залпах салюта было предано земле».

Судьба многих памятников культовой архитектуры в нашей стране хорошо

* Когда взорванный корабль пошел ко дну, на верхней палубе среди дыма и огня появилась фигура священника отца Антония в полном облачении. Со шлюпок видели, как он подошел к борту и, подняв руки к небу, словно просил милосердия у Бога для гибнущих и страждущих своих духовных детей...

— Батюшка, спасайтесь! — кричали ему со шлюпок.

Но 80-летний иеромонах, высоко подняв крест, стал благославлять всех кругом... Новые взрывы — и корабль превратился в огромный костер. Клубы дыма и огня закрыли место, где стоял священник. Больше его никто не видел. Отец Антоний погиб с крестом в руках, до последнего мгновения жизни благословляя воинов.

известна: снесены, взорваны, разрушены, превращены в склады, тюрьмы... Не избежал участи храма Христа Спасителя, памятника Отечественной войны 1812 г., и храм Спаса на водах, памятник русско-японской войны 1904—1905 гг.

Узаконенный грабеж церковной утвари храма Спаса на водах начался с момента вступления в силу декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей [14]. В письме Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 г. под грифом «строго секретно» и с указанием «ни в коем случае копий не снимать» был детально разработан сценарий этой чудовищной акции. Там, в частности, говорилось о применении чрезвычайных мер к духовенству, а также к мещанству и буржуазии г. Шуи Московской губернии, оказавших сопротивление ограблению церквей. «Словесная инструкция» одному из членов ВЦИК, которого предлагалось командировать уполномоченным в Шую, по мнению Ленина, «должна сводиться к тому чтобы он в Шусе арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков представителей местного духовенства, мещанства и буржуазии». И далее: «Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную (вот, оказывается, откуда пошло «телефонное право»! — *И. Ц.*), чтобы процесс против шуйских мятежников был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы, и нескольких других духовных центров».

В тот момент, когда вся страна голодала, исключая, конечно, партийную и советскую элиту, Ленин пишет письмо, в котором с ужасающим цинизмом настаивает на немедленном изъятии церковных ценностей: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало»*.

В результате этой хорошо продуманной и организованной акции, коснувшейся и Петрограда, настоятель храма Спаса на водах отец Михаил (в миру — Прудников), разумеется, в силу своих убеждений оказавший сопротивление при изъятии церковных ценностей, добровольно пожертвованных народом, был расстрелян в застенках Дзержинского на Гороховой, 2, где помещалось ЧК—ГПУ. Он обвинялся еще и в том, что был в свое время офицером царского флота, имел звание капитана 1-го ранга и всю жизнь честно служил России. Храм Спаса на водах, оказавшийся без духовного пастыря и атрибутов для отправления религиозных обрядов, влачил жалкое существование, а деревянный мост через Адмиралтейский канал был частично разобран на дрова. Может быть, несколько поленьев от бывшего моста, который вел в храм, помогли кому-то выжить в стылом и голодном Петрограде тех лет — бывшей столице великой страны.

Гонения на церковь Спаса на водах продолжались до 1924 г. В феврале распоряжением Ленгорисполкома ее, наконец, закрыли и опечатали, но тогда прихожане сумели отстоять храм. Они отправили в аппарат исполкома письмо с протестом, собрав под ним более 300 подписей. «Мы убедительно просим, — говорилось в письме, — распечатать храм и передать его общине...». В марте того же года двери храма Спаса на водах открылись. Так он просуществовал еще 7 лет, каждый день ожидая закрытия. Органы НКВД—ОГПУ, естественно, не могли простить прихожанам такую дерзость, позже все подписавшие письмо были репрессированы.

В 1927 г. советское судостроение приступило к выполнению первой

* Здесь и выше письмо В. И. Ленина цитируется по тексту, опубликованному впервые в нашей стране в журнале «Наш современник» (№ 4 за 1990 г., с. 167—169.)

программы военного кораблестроения, утвержденной Советом Труда и Оборона. Но Адмиралтейский завод, на территории которого находился храм Спаса на водах, как и многие другие судостроительные предприятия, из-за отсутствия заказов в течении нескольких лет был законсервирован. Уволенные рабочие разбрелись по всей России, многие корабельные инженеры, имевшие офицерские звания, ыли расстреляны как заложники или отправлены в один из первых советских концлагерей под Новгородом (в с. Медведь), куда согнали чуть ли не всю инженерно-техническую интеллигенцию Петрограда.

Расположение храма Спаса на водах на территории завода сослужило ему плохую службу. Из-за невысокой ограды, которой был обнесен церковный участок, можно было беспрепятственно наблюдать за всем, что происходило на заводе, не говоря уже о крыше храма, где враги советской власти вполне могли устроить наблюдательный пункт. Требовалось срочно задернуть железную завесу секретности, взять у людей подписку о неразглашении, чтобы скрыть от посторонних глаз низкое качество проектов, отсталую технологию, отсутствие квалифицированных рабочих и инженеров.

В конце 20-х годов Адмиралтейский завод получил новое название — Судомеханический завод им. А. Марти.

Руководитель ленинградских большевиков С. М. Киров любил посещать судостроительные предприятия, там все соответствовало его размаху и кипучей натуре: огромные стапели и эллинги, корпуса цехов с трубами, подпиравшими небо, толпы рабочих, перед которыми можно было произносить пламенные речи, призывая их увеличить производительность труда, повысить пролетарскую бдительность, досрочно спустить на воду очередное судно.

В конце 1930 г. Киров присутствовал при закладке лидера «Ленинград» на Северной верфи, собственноручно поставив первую заклепку в киль будущего корабля. Правда, это нисколько не ускорило темпов строительства: корабль водоизмещением всего лишь 2 693 т строился в течении 4 лет. В том же году Киров, по свидетельству очевидцев, посетил и Судомех. Призвав рабочих и инженеров к расширению строительства новой серии подводных лодок типа «М» — «Малюток», он указал, что количество построечных мест, расположенных сейчас в старых дореволюционных эллингах, недостаточно, оно может быть увеличено за счет сноса старых ненужных заводу зданий, в том числе и церкви, построенной в честь Цусимского сражения. Сославшись на В. И. Ленина и писателя А. С. Новикова-Прибоя*, он прибавил, что Цусима является позорным пятном в истории русского флота и память о ней должна быть стерта в сознании человека.

Руководители Судомеха постарались как можно скорее выполнить указание первого секретаря Ленинградского губкома ВКП(б). На следующий день было подготовлено постановление Октябрьского райсовета о сносе храма, которое должен был утвердить Президиум Ленсовета.

2 декабря 1931 г. Президиум Ленсовета принял по этому вопросу постановление: «Исходя из того, что церковь находится рядом с заводом «Судомех», который крайне нуждается в занимаемой ею территории, Постановление Октябрьского райсовета о ликвидации церкви утвердить, здание передать названному заводу на слом с использованием материала на строительные нужды» [15]. Бронзовые доски с именами погибших были безжалостно содраны со стен храма и сданы в переплавку на завод цветных металлов им. К. Е. Ворошилова, который находился неподалеку, на территории бывшего Франко-Русского завода. Церковная утварь, иконы, люстры, экспонаты музея были разграблены.

Через несколько дней после постановления прогремел взрыв, храм сначала грузно осел, а потом рассыпался на мелкие кусочки, не причинив вреда окружающим зданиям, и только облако пыли, поднявшееся к небу, как бы взывая к Богу, на какое-то время скрыло от глаз следы очередного преступления большевиков. Трудно без слез слушать рассказ очевидца, старого кадрового рабочего Адмиралтейского завода: «Когда столб пыли рассеялся, церкви как не бывало, взору предстала гладкая площадка, на которой ровным слоем лежал

битый кирпич. Казалось, что храм, подобно Христу, вознесся на небо, даже не повредив расположенный рядом эллинг».

Практическая безопасность взрыва не была случайностью, она базировалась на вполне научной методике, которую впервые внедрил в практику взрыва церковей будущий генерал Петро Григоренко, находившийся тогда в должности начальника штаба отдельного саперного батальона 4-го стрелкового корпуса БВО. В своих «Воспоминаниях» он пишет: «Почти перед самым окончанием академии (Военно-техническая академия РККА. — *И. Ц.*), когда лекционных занятий уже не было и шло дипломное проектирование, кафедра подрывных работ прочла лекцию «Взрыв зданий методом пустотных забивок». Из всей лекции я запомнил лишь формулу расчета глубины и густоты шпуров, в которые вкладываются подрывные шашки и «пустоты» (макеты подрывных шашек из дерева)». С нескрываемым цинизмом этот раскаявшийся позднее генерал, бывший тогда новоиспеченным сапером с тремя «кубарями» в петлицах, продолжает: «Вкладываются так: шашка, «пустота» (одна или две — по расчету), опять шашка или две. Лектор утверждал, что если правильно произвести забивку, то здание не взлетает, а оседает и рассыпается». Уже будучи в Америке, он покаялся, что взорвал таким образом церкви в Витебске, Минске, Смоленске, получив благодарность от командующего войсками БВО и большую денежную премию от ЦК КПБ «За отличное качество взрывов, обеспечившее сохранность жилых домов» [16]. Его методика была одобрена инженерным управлением Белорусского военного округа, напечатана типографским способом и разослана в другие военные округа многострадальной России. При этом обращалось особое внимание на сверление шпуров и закладку зарядов в несущие конструкции, на которые опирается барабан купола, чтобы купол рухнул внутрь церкви — в предалтарное пространство, не причиняя вреда окружающим строениям.

Уничтожение храма Спаса на водах отнюдь не было единственным актом вандализма по отношению к культовым сооружениям и в Ленинграде. В период 1926—1934 гг., когда С. М. Киров-Костриков занимал пост первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), было снесено, разрушено, взорвано, перестроено под другие нужды около 30 церквей, соборов и молельных домов. Еще больше церквей было закрыто, кресты с куполов снесены, иконы, церковная утварь, иконостасы, настенные росписи уничтожены или разворованы.

Варварски уничтожая русскую национальную культуру, Киров в докладе на XVII съезде ВКП(б), проходившем в начале 1934 г., одновременно восхвалял громадные победы социализма в нашей стране. Не упомянув даже всуе о сотнях тысяч погибших и замученных кровавыми палачами из ЧК на строительстве Беломорбалтканала, он восторженно восклицал: «Такой канал, в такой короткий срок, в таком месте осуществить — это действительно героическая работа, и надо отдать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали».

В то же время нельзя сказать, что Киров ничего не сделал для Ленинграда. В течение 1931—1932 гг. в городе по его личному указанию был сооружен всем известный «Большой дом» (Литейный, 4), собрат Лубянки, прибежище НКВД — ГПУ — КГБ, о чем можно прочесть на мраморной доске, установленной внутри здания. Этот очень «Большой дом», откуда, как говорят,

* В произведении Новикова-Прибоя (1877—1944) «Цусима» Цусимское сражение описано тенденциозно, исторически ошибочно, в духе так называемого соцреализма, задачей которого в данном случае являлось опорочить русское офицерство и принизить достижения отечественного судостроения. Автор, исполнявший тогда обязанности матроса-баталера (кладовщика), не только не имел понятия ни в морской тематике, ни в технике, но и не видел самого Цусимского сражения, находясь все время во внутренних помещениях корабля, за иллюминаторами, глухо задраенными броневыми заслонками. Для знакомства же с историческими документами в ЦГА ВМФ СССР он использовал своего секретаря.

видны Соловки, будет вечным памятником «пламенному трибуну, революционеру и большевику».

Дело, начатое Кировым, еще с большим успехом продолжил А. А. Жданов. Осенью 1936 г., присутствуя на маневрах Краснознаменного Балтийского флота, он посетил Кронштадтский Морской собор, превращенный в матросский клуб. В соборе также были установлены доски с именами погибших моряков и кораблей, но не бронзовые, а из черного мрамора; он обратил внимание, что на одной из досок погибшие офицеры были указаны по фамилиям, а матросы — общим числом. «Вот, товарищи, как было до Великой Октябрьской революции, — назидательно заметил Андрей Александрович, — нижних чинов-то считали по головам, как скот». На следующий день по распоряжению Политуправления КБФ доски были содраны, частично разбиты, остальные пущены в «дело». Ими мостили улицы, использовали их и в качестве изоляторов. Еще сейчас в учреждениях Кронштадта можно найти электропульты и распрещиты, на панелях которых с обратной стороны золотом написаны имена погибших моряков.

Опричники Кирова не забыли и об организаторах строительства храма Спаса на водах — членах Особого комитета, в том числе о семье бывшего Морского министра адмирала И. К. Григоровича. Иван Константинович страдал сильными головными болями, вызванными опухолью мозга, и в 1924 г. с помощью друзей (начальника морского штаба Республики А. В. Домбровского и Г. М. Кржижановского) ему удалось выехать во Францию на лечение. Но в России осталась семья его старшей дочери Марии Ивановны Карцовой, вместе с которой он жил в одной квартире после смерти жены. Мария Ивановна, ее муж Виктор Андреевич (вице-адмирал, бывший директор Морского корпуса) и их сын Андрей, страдавший с детства эпилепсией, попали в первую волну репрессированных. В конце октября 1930 г. они были арестованы, осуждены по статье 58-10, а затем высланы в Архангельск. Также расправились большевики и с другими организаторами строительства храма, не успевшими выехать за границу. Казалось, ОГПУ—НКВД и Ленинградский обком ВКП(б) с «честью» справились со своей задачей, не оставив никаких «вещдоков» своих бесчеловечных преступлений: храм стерт с лица земли, организаторы строительства и их родственники расстреляны или сосланы в места «не столь отдаленные».

Но это не совсем так. Сейчас трудно сказать, кто именно вывез за границу на престольное Евангелие, подаренное храму Спаса на водах княжной С. М. Волконской, и как оно оказалось в одном из антикварных магазинов Нью-Йорка. Там Евангелие было куплено бывшим старшим лейтенантом русского флота Вадимом Степановичем Макаровым, сыном вице-адмирала С. О. Макарова. После октябрьского переворота он вместе с матерью Капитолиной Николаевной выехал во Францию, а затем переселился в США. Бесценная реликвия, приобретенная Макаровым, была преподнесена им в дар храму Христа Спасителя в Нью-Йорке и вторично освящена 28 мая 1933 г., в годовщину Цусимского сражения. Эта небольшая частичка храма Спаса на водах и по сей день находится там, за тысячи миль от своей Родины.

Храм Спаса на водах разделил печальную участь многих памятников русской культуры, варварски уничтоженных большевиками на территории России [17].

Среди архитекторов, творения которых были уничтожены в Петербурге, имена, известные не только в России: это Л. Н. Бенуа, К. А. Тон, Н. Е. Ефимов, А. Д. Захаров, И. И. Шарлемань, А. М. Горностаев, В. Н. Бобров, Г. Д. Гримм, А. В. Иванов, К. Е. Морган, Л. Ф. Фонтана, П. Е. Егоров, К. К. Рахау, А. Т. Жуковский; С. С. Кречинский, А. И. Кракау и др. [18].

В период, когда русский народ начинает, наконец, обретать национальное самосознание, храм Спаса на водах вполне мог бы быть восстановлен как храм-музей, подобно Чесменской и Гангутской церквям, и ежечасно напоминать нам о множестве бессмысленных жертв, принесенных в угоду правителям, и беспримерном героизме россиян.

К 85-й годовщине Цусимского сражения на месте уничтоженной церкви

Спаса на водах Ленинградским Адмиралтейским объединением (бывший Адмиралтейский завод) сооружен памятный знак в виде необработанного гранитного камня. Надпись на передней полированной поверхности говорит о том, что здесь находился храм — памятник русским морякам, погибшим в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Торжественное открытие знака состоялось 16 мая 1990 г. в присутствии рабочих завода и военных моряков.

К сожалению, высокий плотный забор не позволяет видеть этот знак ни со стороны Адмиралтейского канала, ни с набережной Красного флота (бывшая Английская набережная).

Хочется надеяться, что храм-памятник Спаса на водах будет когда-нибудь восстановлен и станет последним прибежищем душ не только моряков, погибших в русско-японскую войну, но и офицеров и матросов, отдавших жизнь за Родину в наше время.

Список литературы

1. Беломор А. (Конкевич А. Г.). Годовщина Цусимского боя//Россия. 1909. 14 мая.
2. Беломор А. (Конкевич А. Г.). В память погибшим морякам//Там же. 19 марта.
3. Письма и телеграммы адмиралу И. К. Григоровичу от Николая II и членов царской семьи 1909—1916 гг.//ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 29. Л. 50—56.
4. Список личного состава судов флота и учреждений Морского ведомства. Пг., 1914, 1916. С.12.
5. Смирнов С. Н. Храм-памятник погибшим в войну с Японией в 1904—1905 гг. Пг., 1915. С.50.
6. Сыромятников С. Храм Спаса на водах// Кронштадтский вестник. 1912. 27 июля.
7. Лошаков В. Храм-памятник погибшим морякам// Сельский вестник. 1909. 21 марта.
8. Воспоминания бывшего морского министра И.К.Григоровича// ЦГАВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.—67 об.
9. Цветков И. Ф. Линкор «Октябрьская революция». Л., 1983. С.63—66.
10. Огарев П. На памятник погибшим за Родину// Россия. 1909. 20 марта.
11. Огарев П. Храм-могила// Новое время. 1909. 19 марта.
12. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. С. 10—11, 147, 230, 356, 367.
13. Прокофьев В. Храм в память погибших моряков // Новое время. 1910. 14 сентября.
14. ЦПАИМЛ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 22947.
15. Патриот. 1990. Июль — август.
16. Звезда. 1990. № 3. С. 205—207.
17. Антонов В.В., Кобак А.В. Утраченные памятники архитектуры Петербурга-Ленинграда. Л., 1988. С 36.
18. Петров А.Н., Борисова Е.А., Науменко А.П. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1975. С.562—566.

В. П. МЕЛЬНИКОВ

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗИКИ, ХИМИИ И КОСМОГРАФИИ. (С.-ПЕТЕРБУРГ, 27 ДЕКАБРЯ 1913 — 6 ЯНВАРЯ 1914 г.)

27 декабря 1913 г. в здании Морского корпуса в Санкт-Петербурге открылся Первый Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии. На первом заседании председателем съезда был избран старейшина московских физиков профессор Н. А. Умов, а его заместителем («товарищем») — директор Физического института при Петербургском университете профессор И. И. Боргман.

Идея проведения такого съезда родилась в конце 1911 г., в ходе работы 2-го Менделеевского съезда, в рамках которого была организована особая «дидактическая» секция. Опыт ее работы был признан удачным, а участники выразили пожелание провести в дальнейшем всероссийскую встречу преподавателей физико-химических дисциплин средних учебных заведений [1]. Это предложение поддержал Совет Русского физико-химического общества, который весной 1912 г. избрал Распорядительный комитет по организации Всероссийского съезда преподавателей физики, химии и космографии первоначальным составом в 24 члена. Председателем комитета стал известный физик профессор Орест Данилович Хвольсон. Планировалась работа секций физики, химии, космографии и подготовки преподавателей [2], организация выставки научной и учебной литературы [3], демонстрация аппаратуры и оборудования для практических занятий [4]. Для желающих предполагалось организовать посещение учебных лабораторий и кабинетов ряда учебных заведений, обсерватории, предприятий связи и транспорта, промышленных производств, в том числе Балтийского, Ижорского и Обуховского заводов [5].

Всего на съезде было проведено 3 пленарных и 36 секционных заседаний. На пленарных заседаниях выступили П. И. Вальден («О влиянии физики на развитие химии»), Н. А. Умов («Эволюция физических наук и ее идейное значение») и А. А. Иванов («Русское солнечное затмение 1914 года»). Секция химии провела 9 заседаний, на которых было сделано 10 докладов и 4 научных сообщения. На заседании 2 января 1914 г. были заслушаны доклады А. И. Горбова и Н. С. Курнакова, расширенные варианты которых вскоре были опубликованы в Журнале Русского физико-химического общества [6, 7]. В работе секции участвовали также В. Н. Верховский, А. Н. Реформатский, И. Н. Соковнин, И. Д. Фандеев и др.

На заседаниях секции физики выступали О. Д. Хвольсон, Д. С. Рождественский, Н. А. Умов, И. И. Боргман, секции космографии — Г. А. Тихов.

На выставке книг была представлена литература 548 наименований (включая журналы), примерно поровну на русском и иностранных языках [3]. Свыше трети изданий относилось к химической тематике. Дополнительно была представлена коллекция книг А. В. Цингера*, включавшая научную и учебную литературу на сравнительно редких иностранных языках (хорватском, японском, греческом и т. п.).

Секция химии пришла к выводу о необходимости ввести химию как самостоятельный предмет для преподавания во всех типах средних учебных заведений, для чего соответственно пересмотреть их учебные планы. Курс химии должен состоять из теоретических и практических занятий. На заключительном общем заседании съезда это заключение секции нашло единодушную поддержку. Было также принято предложение созвать 2-й съезд в Москве в год проведения всероссийской выставки, однако этому пожеланию не суждено было сбыться.

Представляет интерес состав участников съезда. Всего в его работе приняли участие 1113 человек, среди которых было около 15% женщин. Участники представляли 302 города практически всех регионов страны, включая Прибалтику, Среднюю Азию, Закавказье,

* Цингер Александр Васильевич (1870—1934) — известный московский преподаватель физики, автор популярного учебника «Начальная физика». В описываемый период — член Московского общества изучения и распространения физических наук, редактор журнала «Физика», участник съезда.